

В. ЗАГЛАДИН

АЛЖИРСКАЯ ПРОБЛЕМА

Серия VII
№ 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
1957

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат исторических наук
В. ЗАГЛАДИН

АЛЖИРСКАЯ ПРОБЛЕМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1957

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Международная или внутренняя проблема?	3
Что такое Алжир?	6
Алжир в тисках «двухсот семейств»	8
Странные департаменты	17
Франко-алжирский баланс	19
Алжирский народ имеет право на свободу	27

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества
по распространению политических и научных
знаний просит присылать отзывы об этой брошюре
по адресу: Москва, Новая площадь, д. 3/4.

Автор
Вадим Валентинович Загладин

Редактор Я. Л. Лившиц
Техн. редактор М. И. Губин
Корректор Г. М. Бауэр

А 06324. Подписано к печати 17/VII 1957 г. Тираж 74 000 экз. Изд. № 147.
Бумага 60×92¹/₁₆—1 бум. л.=2 печ. л. Уч.-изд. 1,96 л. Заказ № 1500

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

В начале февраля 1957 года Политический комитет Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций во второй раз за последние два года обсудил алжирский вопрос. Тем самым еще раз была подчеркнута важность алжирской проблемы и то значение, которое имеет ее разрешение для сохранения и упрочения международного мира.

В принятых комитетом резолюциях содержатся призывы к скорейшему урегулированию алжирского вопроса в интересах всеобщей безопасности. Эти призывы всецело поддерживаются международной миролюбивой общественностью. Такая крупнейшая международная организация, как Всемирная федерация профсоюзов в своем воззвании от 15 марта 1957 года призвала «реализовать в наикратчайший срок надежды, выраженные Генеральной ассамблеей ООН о мирном, демократическом и справедливом решении вопроса о положении в Алжире».

Международная или внутренняя проблема?

Если собрать воедино все речи, декларации и статьи, посвященные алжирскому вопросу, с которыми выступили за последние два года руководители французского правительства, то, вероятно, составит несколько толстенных томов. К сожалению, их содержание будет угнетающе однообразным, ибо аргументация французских министров по алжирскому вопросу, как это не удивительно, почти не зависит от их партийной принадлежности и личных склонностей. Но как же все-таки изображают алжирскую проблему руководители французского правительства?

Прежде всего они заявляют, что Алжир — это часть Франции, одна из французских провинций. «Алжир — это с 1834 года такая же Франция, как Бретань с 1491, Эльзас с 1648, Корсика с 1769 и Савойя с 1860 года», — заявил в 1955 году от имени французского правительства его представитель в ООН Эрве Альфан. Ну, а раз так, то все, что происходит в Алжире, это — «частное дело» Франции. И алжирский вопрос это, стало

быть, не международный, а исключительно внутривнутриполитический вопрос.

Равным образом французские руководители отрицают, что проблема Алжира носит политический характер, что это по сути дела — проблема самоопределения страны. О каком самоопределении может идти речь, — говорят они, — если Алжир — всего лишь одна из французских провинций? О независимости Алжира, по их словам, ставят вопрос лишь враги Франции — «экстремисты» и иностранные агенты. В действительности же речь якобы идет лишь о нескольких, пока еще не решенных, социальных и экономических проблемах, и прежде всего о проблеме «существования» европейского и арабского населения Алжира.

Исходя из всего изложенного, французские министры утверждают, что происходящие в Алжире вот уже почти два с половиной года военные действия — это не война, это всего-навсего полицейские операции по «умиротворению» террористов, вдохновляемых иностранными агентами, прежде всего международным коммунизмом. Речь идет, иными словами, о восстановлении «элементарного порядка», что, мол, является законным делом любой страны и любого правительства.

Такова алжирская проблема в изображении французских властей. Однако это изображение не соответствует истинному положению вещей.

В самом деле, если речь идет всего лишь о подавлении каких-то террористов, вдохновляемых к тому же извне, то как объяснить тогда, что Франция оказалась вынужденной направить в Алжир более чем полумиллионную армию, которая вот уже более двух лет не может, тем не менее, одержать решающего успеха? Не ясно ли, что как бы велики ни были террористические банды и какая бы сильная поддержка из-за границы ни оказывалась им, они все равно не смогли бы в течение почти двух с половиной лет сопротивляться пятистам тысячам отборных регулярных войск, снаряженных по последнему слову военной техники! Однако, напротив, такое сопротивление вполне возможно, если речь идет об освободительной борьбе целого народа, как это и имеет место в действительности.

А вот и еще одна несообразность. Говорят, что главное в алжирской проблеме — не самоопределение народа, а сосуществование европейцев и арабов. Допустим. Но чем же тогда объяснить, что против французских войск наряду с арабами под знаменами независимости Алжира борются также и многие представители европейского населения? Чем объяснить тогда, что миллионы французов метрополии гневно осуждают преступления, совершаемые в Алжире от их имени? Господа министры, возможно, скажут, что речь идет «всего лишь о коммунистах». Но это будет неправдой. Конечно, коммунисты как в самой Франции, так и в Алжире всецело поддерживают требо-

вания алжирского народа и его борьбу за независимость. Но вместе с тем против колониализма и во Франции и в Алжире борются не только коммунисты! В социалистической, радикал-социалистской, даже в католической (МРП) партиях существует серьезная оппозиция правительственной политике в алжирском вопросе.

Говорят, что проблема Алжира не международная, а чисто внутренняя. Логика в этом утверждении не больше, чем в первых двух. Ведь даже если исходить только из оценки фактов, предлагаемой самими руководителями французского правительства (то есть, если согласиться с тем, что речь идет о подавлении террористов, вдохновляемых извне), то и тогда уже проблема Алжира приобретает международный аспект! Но если брать действительность такой, как она есть, а не искажать ее, то международный характер алжирского вопроса станет еще более очевидным.

В самом деле, хотя бы этого в Париже или нет, но мы имеем здесь дело с фактом, когда народ, численностью в 10 миллионов человек, требует осуществления права на самоопределение. Если бы французское правительство, не доводя дело до международного конфликта, урегулировало его мирным путем, на основе признания права Алжира на независимость, алжирский вопрос остался бы внутренним делом Франции и, более того, давно прекратил бы свое существование. Но французское правительство не пожелало прислушаться к голосу алжирского народа. Началась война, масштабы которой расширяются с каждым месяцем, в которую ныне вовлечены войска Североатлантического блока. Эта война, которая, как указывалось в проекте резолюции восемнадцати стран Азии и Африки по алжирскому вопросу, представленному ООН в феврале 1957 года, «причиняет большие страдания людям и нарушает гармоничные отношения между странами», представляет явную угрозу миру во всем Средиземноморье. То обстоятельство, что, совершая агрессию против Египта, французские власти оправдывали ее, в частности, необходимостью «содействовать решению алжирской проблемы», лишь еще раз и особенно остро подчеркнуло тесную связь алжирского вопроса с проблемой обеспечения мира во всем Средиземноморском бассейне. Показательно и то, что алжирский вопрос уже много раз обсуждался на различных международных конференциях, совещаниях и дважды на Генеральной ассамблее ООН. Утверждать в таких условиях, что алжирский вопрос является «внутренним делом» Франции,— это значит, по меньшей мере, закрывать глаза на факты.

В чем же состоит алжирская проблема? Чтобы ответить на этот вопрос, следует разобраться в положении, создавшемся в Алжире, и прежде всего следует сказать о том, что же такое Алжир.

Что такое Алжир?

Алжир — страна, расположенная в Северной Африке и с 1830 года входящая в состав Французской колониальной империи. Территория Алжира — 2 миллиона 204,9 тысячи квадратных километров. По площади Алжир в четыре раза больше Франции.

С севера Алжир омывается водами Средиземного моря. На западе он граничит с султанатом Марокко и испанской колонией Рио-де-Оро. Южная граница отделяет его территорию от Французской Западной Африки. На востоке соседями Алжира являются королевство Ливия и бейство Тунис.

Население Алжира (по данным переписи 1954 года) составляет 9 миллионов 529 тысяч человек, в том числе арабов (то есть говорящего по-арабски смешанного арабо-берберского населения, живущего в северной части страны) и берберов (живущих в южных частях Алжира) — 8 миллионов 487 тысяч человек, или 89 процентов от общей численности населения. Остальная часть населения — 1 042 тысячи человек, или 11 процентов, — европейского происхождения, из них 983 тысячи — французы, а 59 тысяч — итальянцы, испанцы и другие. Основная часть населения Алжира живет в сельских местностях. Только четыре города насчитывают более 100 тысяч человек: Алжир, Оран, Константина и Бон.

Европейское население Алжира расселено главным образом в северной части страны. Арабское и берберское население горных районов юга в значительной части ведет еще кочевой образ жизни.

Природные условия Алжира чрезвычайно разнообразны.

Климат на севере страны средиземноморский, влажный; на юге — тропический, резко континентальный. Плодородные буроземы северных районов страны сменяются на юге песчаными пустынными почвами, почти непригодными для обработки.

Растительность Алжира сравнительно небогата. Его северная часть некогда была покрыта обширными лесами, но ныне эти леса по большей части вырублены. Они сохранились лишь в некоторых горных районах (Кабилия, Орес) и в орошаемых долинах Малого Атласа. Пробковый и железный дуб, атласский кедр являются наиболее ценными из лесных пород Алжира. Огромные районы на севере страны заросли малоценными дикорастущими кустарниками, состоящими из сухоустойчивых растений, вроде дикорастущего вереска, дикой маслины. Почти половина территории Алжира покрыта зарослями альфы — волокнистого растения, используемого для производства бумаги.

Животный мир Алжира скуден и представлен немногочисленными видами млекопитающих (горный олень, медведь, ша-

кал и др.), птиц (хищные и воробьиные), пресмыкающихся, свойственными пустынным районам Африки.

Недра Алжира скрывают в себе огромные запасы полезных ископаемых. Точных сведений об их количестве не существует, ибо геологическая разведка в широких масштабах началась в Алжире только после второй мировой войны. Однако и по имеющимся скудным и неполным данным можно составить себе представление о богатстве этой североафриканской страны.

Алжир располагает большими ресурсами энергетического сырья. Запасы каменного угля исчисляются многими сотнями миллионов тонн. Специалисты полагают, что их достаточно для создания в Алжире нескольких крупных промышленных районов. Разведанные месторождения угля расположены главным образом в западной части страны — в районе Колон-Бешара, у марокканской границы. Некоторые из них — «Ксиксу» и «Кенадза» — уже разрабатываются и дают до 300 тысяч тонн угля в год. Запасы нефти весьма значительны. До последнего времени считалось, что нефть имеется только в северной части Алжира, в горах Малого Атласа. В этом районе еще в годы первой мировой войны добывались значительные количества черного золота (скважины в Тлиуанет юго-восточнее Орана).

Сейчас добыча нефти в Алжире также осуществляется лишь на севере, в районах Омаль и Сиди-Айса (к югу от города Алжира). Однако разведки последнего времени показали наличие огромных количеств нефти также в южных районах страны. Только в районе Уаргла (Большой Атлас) запасы нефти таковы, что могут целиком обеспечить потребности страны. По данным журнала «Пари-матч» от 1 декабря 1956 года, толщина нефтеносных пластов бассейна Уаргла достигает 137 метров, против 40 метров в Аравии и 12 метров в Техасе (США). Значительны алжирские запасы природного газа. Только месторождение «Джебел Берга» (южнее Иль-Салах, расположенного в 1700 километрах к югу от города Алжира, в центре алжирского плоскогорья) может дать (по данным газеты «Альже републикен» от 14 июля 1955 года) до 55 миллионов кубометров газа в год. А севернее и западнее Иль-Салах, на западе страны — неподалеку от Колон-Бешара и в других районах имеются и другие богатые месторождения газа.

Запасы железной руды в Алжире велики. По данным геологического конгресса 1938 года, они оценивались в 0,2 миллиарда тонн. Но эта оценка относилась лишь к давно освоенным железорудным бассейнам Малого Атласа. В последние годы были исследованы территории Западного Алжира (район Колон-Бешара и район Тандуфа, у границы Рио-де-Оро). Выяснилось, что запасы железной руды с содержанием металла от 38 до 57 процентов только в районе Тандуфа равны примерно 3 миллиардам тонн. Обнаружены большие запасы

руды с содержанием металла в 60—65 процентов в районе Угарта (у границы с Марокко).

Алжир располагает ресурсами марганцевой руды, которые являются значительными. Так, по данным газеты «Фигаро» от 7 мая 1954 года, в районах Бу-Арфа и Бени-Аббес запасы марганцевой руды с содержанием до 45 процентов металлического марганца составляют 200 тысяч тонн. Из цветных металлов в Алжире имеется медь, свинец, цинк. Запасы меди имеют мировое значение. По данным 1938 года, запасы фосфатов в Алжире составляют свыше миллиарда тонн. Минеральные ресурсы Алжира дают все возможности для быстрого развития страны как современного промышленного государства.

В 1954 году в Алжире было добыто: каменного угля 303 тысячи тонн, нефти — 75 тысяч, железной руды — 2,9 миллиона тонн.

Природа Алжира предоставляет также хорошие возможности для развития сельского хозяйства. Так, только в северной части Алжира (по данным французской сельскохозяйственной статистики) имеется 6765 тысяч гектаров земли, годной для обработки. По другим данным (приводимым алжирскими публицистами), для обработки пригодно более 8 миллионов гектаров. Создание современной системы орошения позволило бы еще больше увеличить площадь земель, годных для обработки. Однако фактически под основными сельскохозяйственными культурами занято только 3,6 миллиона гектаров.

Поголовье скота в Алжире составляет: крупного рогатого скота — 850 тысяч (данные 1946 года); лошадей — 210 тысяч (данные 1952 года); овец — 6014 тысяч (данные 1953 года); коз — 3254 тысячи (данные 1953 года). Это количество скота можно без особых затрат значительно увеличить. Об этом говорят как природные условия Алжира (наличие значительных горных пастбищ), так и его история: в XIX веке поголовье скота в стране было значительно большим, нежели теперь.

Алжир располагает огромными возможностями самостоятельного, независимого и быстрого как экономического, так и политического развития. Однако на протяжении вот уже 127 лет эти возможности Алжира слабо используются, ибо 127 лет назад Алжир был захвачен французскими колонизаторами и с тех пор его развитие осуществляется в интересах французских колониальных кругов.

Алжир в тисках «двухсот семейств»

В документе, представленном французским правительством в Организацию Объединенных Наций, утверждается, что «основной заботой Франции всегда было экономическое разви-

тие Алжира» и «повышение благосостояния населения». Следуя известному английскому обычаю, не будем спорить с этим заявлением, принимая его за «декларацию о намерениях». Но приведем рядом также и другое заявление на ту же тему, сделанное 5 июля 1830 года генералом Жераром, военным министром Карла X, который так обосновал военную экспедицию против Алжира:

«Эта экспедиция продиктована важнейшими соображениями, самым тесным образом связанными с поддержанием общественного порядка во Франции и даже во всей Европе: она должна расчистить путь для эмиграции избытков нашего населения, открыть рынки для нашей промышленной продукции и дать нам возможность приобрести взамен другие товары, не растущие на нашей почве и в нашем климате».

Это откровенное заявление явно противоречит тому, что провозгласило французское правительство в документе, направленном в ООН. Конечно, нам могут возразить: «Позвольте, разве нынешние руководители Франции могут отвечать за заявления, сделанные 127 лет назад?»

Но, если полистать современную французскую прессу, можно найти тьму аналогичных заявлений, касающихся Алжира. Вот, например, выступление по радио Буржес-Монури, бывшего министра обороны в правительстве Ги Молле: «Наша страна может оставаться тем, чем она является, только благодаря своим африканским территориям. Эти территории в силу своего географического положения, своих ресурсов, своих размеров представляют собой решающий элемент, благодаря которому Франция до сих пор является мировой державой. Сейчас опорным столпом этой Французской Африки является Алжир. И мы хотели бы, чтобы он был прямым продолжением метрополии».

Слова несколько изменились, терминология Буржес-Монури несколько мягче терминологии генерала Жерара, но смысл один и тот же. И к тому же известно, что важны не слова, а важные дела, которые за ними следуют. А если подходить с этой точки зрения, то получится, что французские колониальные власти в течение всех 127 лет своего пребывания в Алжире заботились отнюдь не об экономическом развитии этой страны и не о благосостоянии ее населения, а о захвате ее земель, природных богатств, о всестороннем ее подчинении и чисто колониальном «освоении». Иными словами, при обращении к фактам выясняется, что генерал Жерар весьма-таки точно изложил **подлинную** программу, **подлинными** цели французских правящих кругов. Перейдем к фактам.

Захват земли колонистами. «Везде, где есть вода и где земли плодородны, следует располагать наших колонистов. И совсем не к чему осведомляться при этом, кому сии земли принадлежат», — так сформулировал в палате депутатов 14 мая

1840 года маршал Бюжо основной принцип французской аграрной политики в Алжире. О том, как этот принцип проводился в жизнь, рассказали в своем докладе члены французской правительственной комиссии, побывавшие в Алжире через несколько лет после вторжения туда французских войск: «Мы превратили в государственные владения имущество религиозных учреждений; мы секвестровали имущество того класса местного населения, который мы обязались уважать; мы начали демонстрацию своего могущества с вымогательства (навязав туземцам принудительный заем размером в 100 тысяч франков); мы захватывали частную собственность без всякого возмещения, более того, мы дошли до того, что заставляли владельцев экспроприированного имущества оплатить нам расходы по разрушению их домов и даже мечети».

Захватывая земли, колонизаторы не заботились о законности или хотя бы о каком-нибудь обосновании своих действий. Все средства были хороши. Вначале, в 1830 году, были захвачены земли, принадлежавшие дею. Они были объявлены «государственным имуществом». Вскоре были присвоены общинные земли, как «не имеющие определенной хозяина». Законы 1844 — 1846 годов объявили французской собственностью земли, права на которые владельцы не могли подтвердить бумагами. Поскольку ясно, что до 1830 года большинство арабов-землевладельцев не думало запастись соответствующими бумагами, французам оказалось весьма не трудно захватить их участки. Далее, был издан закон, передавший в руки французов-колонистов земли арабов, «поднявших оружие против Франции».

Поскольку, как уже говорилось, на протяжении всего XIX века вооруженные восстания против французского господства в Алжире не прекращались, ясно, что вновь изобретенный повод дал возможность овладеть огромными земельными площадями. Так, только после восстания кабиллов в 1871 году на «основании» этого закона в руки французов перешло более 500 тысяч гектаров лучших земель. Весьма значительные приобретения были сделаны колонизаторами после 1873 года, когда было объявлено о введении в Алжире французского гражданского права, на основании которого было немедленно ликвидировано родовое и общинное землевладение и был произведен передел всей земли.

Вот некоторые цифровые результаты этих операций: в 1850 году европейцы не располагали в Алжире землей; в 1860 году они имели уже 115 тысяч гектаров, в 1870 — 765 тысяч, в 1890 году — 1600 тысяч, в 1917 году — 2317 тысяч, в 1940 году — 2720 тысяч и в настоящее время (по данным, приведенным Кристианом Пино) — 2726 тысяч гектаров.

Кто же владеет этой землей? Последние более или менее точные данные о распределении алжирских земель, принадлежащих европейцам, относятся к 1940 году. Вот они:

Размеры хозяйств	Число хозяйств	Площадь хозяйств (га)
Менее 10 га . . .	8 000	40 000
От 10 до 50 га . . .	7 000	209 000
» 50 » 100 » . . .	4 000	306 000
» 100 » 500 » . . .	5 100	1 202 000
Более 500 га . . .	900	963 000
Всего . . .	25 000	2 720 000

Из этих цифр видно, что 6 тысяч хозяйств (26 процентов европейских хозяйств площадью свыше 100 гектаров) владели в 1940 году почти 2,2 миллиона гектаров земель, что составляет 21 процент всех сельскохозяйственных угодий страны. Решающие позиции в алжирском сельском хозяйстве принадлежат крупным и крупнейшим европейским землевладельцам.

Особое место среди них занимают крупные капиталистические общества, располагающие фактической монополией на производство (а подчас — и на торговлю) отдельных видов сельскохозяйственной продукции в различных районах. Это прежде всего — «Компани альжерьенн», контролируемая «Банк де л'Юнион паризьенн», которая располагает 66 тысячами гектаров плодороднейших земель в департаменте Константины и примерно 100 тысячами гектаров, рассеянными по всему Алжиру. Это, далее, — «Сосьете де ферм франсез де Тюнизи», располагающая в Алжире 6333 гектарами земель в департаменте Константины; «Сосьете агриколь альжерьенн», имеющая 15 крупных участков земли, и ее филиал «Компани де домэн альжерьенн»; «Компани агриколь Оранэз», владеющая 3650 гектарами. Перечисленные компании являются наследниками капиталистических обществ, получивших концессии в Алжире еще во времена Второй империи. Они производят главным образом зерновые и в небольших количествах виноград и фрукты.

Кроме них, следует перечислить некоторые компании сравнительно новой формации, специализирующиеся на винограде, пробке, альфе. Это — собственность миллиардера А. Боржо «Домэн де ла Трапп де Стауэли» в департаменте Алжир (1290 гектаров); «Сосьете дю домэн Сен-Шарль», контролируемая А. Фроже, в том же департаменте (770 гектаров); «Сосьете аноним дю шапо де жандарм» в департаменте Константины, находящаяся в руках того же А. Боржо (1200 гектаров); «Домэн дю Керулис» в департаменте Оран (1352 гектара); «Митиджа» в департаменте Алжир (1152 гектара) и другие. Крупнейшая компания «Льеж де Аменда де ла Петит Кабили», контролируемая «Банк де л'Юнион паризьенн», владеет 50 тысячами гек-

таров земли и является монополистом производства пробки. Компания «Альфа», руководимая миллиардером Ж. Блашеттом, имеющая концессию размером в 200 тысяч гектаров,— монополист по альфе.

Французские власти, не будучи в силах отрицать факт захвата земель французами, пытаются теперь доказать, что европейцы имеют в Алжире далеко не лучшие, а худшие земли, и что никакого неравенства между европейскими и неевропейскими собственниками земель вообще не существует. Что ж, послушаем свидетелей-французов!

«Не надо забывать, что собственность европейцев выделяется даже не столько своими размерами, сколько своим качеством»,— отмечает известный французский географ Демонтес. Эти его слова подтверждаются следующими цифрами, приведенными в докладе финансовых органов Алжира за 1925—1926 годы. Гектар земель, находившихся в распоряжении мусульман, оценивался тогда в среднем в 470 франков, в то время как гектар земли, находившейся в распоряжении европейцев, оценивался в 1 500 франков. Стоимость земельных участков европейцев, благодаря применению техники и удобрений, недоступному для большинства коренных алжирцев, с тех пор значительно возросла, и различие качества земель, находящихся в распоряжении европейцев и мусульман, стало за эти годы еще более разительным.

Можно привести и такие цифры: в 1953 году из общей стоимости сельскохозяйственной продукции Алжира, равной 140,7 миллиарда франков, на долю европейцев-собственников приходилось 92 миллиарда франков, а на долю собственников-арабов — 48,7 миллиарда, то есть доля европейцев составила 65,6 процента доходов сельского хозяйства, а доля арабов — 34,4 процента. Рассматривая эти цифры, следует учитывать, что европейцы составляют всего 10 процентов населения страны, а если говорить о сельскохозяйственном населении, то всего 2 процента.

По данным, приведенным К. Пино в ООН, в Алжире есть 22 037 европейских и 632 тысячи мусульманских хозяйств. Исходя из этих цифр, нетрудно подсчитать, что средний доход одного мусульманского хозяйства, равный 76 тысячам франков в год, в 55 раз меньше, чем средний доход европейского хозяйства, равный 4 180 тысячам франков в год.

Все это неопровержимо говорит, что европейским владельцам принадлежат в Алжире лучшие земли, тогда как местное население имеет в своем распоряжении главным образом «третьесортные» участки; ни о каком «равенстве» европейцев и мусульман-землевладельцев и речи быть не может.

Но французы, придя в Алжир, отнюдь не ограничивались захватом плодородных земель. Они прибрали к своим рукам богатства алжирских недр.

Захват недр Алжира трестами метрополии. Алжир — страна, бедная естественными ресурсами.— утверждал Кристиан Пино, выступая на Генеральной ассамблее ООН. То же самое через некоторое время повторил премьер Ги Молле в Национальном собрании Франции.

Мы уже видели выше, что утверждения эти, мягко говоря, не соответствуют действительности. Но даже если ничего не знать о богатствах недр Алжира, все равно докопаться до истины совсем не так уж трудно. Достаточно посмотреть, с какой поистине чудовищной жадностью захватывали промышленные тресты метрополии земельные участки в Алжире и какой тайной окружали они свои действия на африканской земле. Капиталы, ввезенные в Алжир французскими монополиями, вложены в объекты, дающие хорошую прибыль.

Ниже приводятся самые краткие данные о том, кто чем владеет в Алжире. Рассматривая их, не следует, конечно, забывать, что речь идет только о компаниях, уже давно расположившихся в этой стране и уже эксплуатирующих ее недра. В последнее десятилетие эти компании сильно расширили сферу своих действий в Алжире, а кроме того, появилось довольно много новых обществ. Но об этих последних изменениях еще нет сколько-нибудь полных данных, они тщательно засекречены заинтересованными трестами. Поэтому по необходимости наши данные не являются полными.

Уголь. Добыча угля в Алжире контролируется «Компани уйер дю Сюд-Оранэ». Она в основном принадлежит генерал-губернаторству Алжира, то есть частично находится под контролем французского государства. Переработка угля и производство газа и удобрений осуществляется «Сосьете д'этиюд нор-африкен де л'азот», капитал которой принадлежит в основной своей части французскому химическому тресту «Эр ликид» (группа Верн, близкая к банку «Юнион паризьенн») и компании «Газ Лебон».

Нефть. Добыча нефти в Алжире, как и поиски новых месторождений, осуществляется в основном четырьмя компаниями: принадлежащей государству «Сосьете насьональ де решерш де петроль ан Алжери», имеющей концессию размером в 198 тысяч квадратных километров; «Компани де петроль д'Алжери», имеющей концессию в 160 тысяч квадратных километров, и «Компани де решерш э д'эксплоатасьон де петроль ан Алжери», получившей концессию в 145 тысяч квадратных километров, принадлежащими частью англо-голландской группе «Ройял датч Шелл», а частью — различным государственным и смешанным французским компаниям. «Компани франсэз де петроль д'Алжери», являющаяся филиалом французской «Компани франсэз де петроль», владеет концессией в 125 тысяч квадратных километров.

Железная руда. 70—75 процентов руды добывается «Сосье-

те де л'Уэнза», находящейся под контролем «Банк де л'Юнион паризьенн» — «Мирабо э К°». На втором месте стоит добывающая 7 процентов руды «Компани де минэре де фер магнетик де Мокта эль Хадид», находящаяся в руках группы «Банк де л'Юнион паризьенн» — «Мирабо э К°».

Цветные металлы. Свинцовая руда добывается на 30 процентов компанией «Компани де мин д'Уаста э де Меслула» (все та же группа «Банк де л'Юнион паризьенн» — «Мирабо э К°»), 25 процентов — компанией «Пеньяройя», где решающее влияние принадлежит международному банкирскому дому Ротшильдов, но в которой участвует также «Мирабо э К°»; 20 процентов — «Сосьете альжерьенн де зенк» (группа Вальтер). Цинковая руда добывается на 80 процентов «Сосьете альжерьенн де зенк» и на 20 процентов «Компани де мин де Гергур», влияние в которой принадлежит Ротшильдам.

Фосфаты. 80 процентов фосфатов добывает «Компани де фосфат де Константин» («Ле Куиф»), находящаяся под контролем «Банк дю Комите дез уйер» («Юнион де Мин») и алжирского финансового магната Скиаффино. Кроме того, в ней участвуют в разных масштабах также другие крупнейшие финансово-промышленные группы метрополии — «ЮЗИНОР», «Шнейдер э К°», «Этаблиссман Кульманн», «Банк де Пари э де Пэи-Ба». 20 процентов добычи фосфатов приходится на долю «Компани миньер де М'Зайта», принадлежащую группе Риво, но в которой принимают участие также Ротшильды.

Таковы краткие данные о контроле французских трестов над недрами и добывающей промышленностью Алжира. Бросается в глаза немногочисленность обществ, владеющих почти 100 процентами богатств страны. Такая же картина наблюдается и в обрабатывающей промышленности. При всей ее немногочисленности она высоко концентрирована и в основном находится под контролем тех же, уже перечисленных французских компаний, владеющих, таким образом, как тем, что находится над землей, так и тем, что лежит в ее недрах.

Финансовая группа «Банк де л'Юнион паризьенн» — «Мирабо э К°» является властелином Алжира. Это одна из старейших и наиболее мощных групп французского финансового капитала. Ее влияние чрезвычайно сильно и в метрополии, и в колониях Франции, и в зарубежных государствах. Сфера влияния этой финансовой группы простирается от крупнейшего сельскохозяйственного общества «Компани альжерьенн» до угольного треста «Компани уйер дю Сюд-Оранэ», от могущественной горнометаллургической «Сосьете де л'Уэнза» до многочисленных компаний по добыче и производству цветных металлов. На втором месте находится группа Ротшильдов, являющаяся одной из основных групп французского колониального капитала.

В тесном союзе с французскими монополиями действуют в Алжире «местные» монополисты. На первом месте среди них стоит Анри Боржо.

Семья Боржо обосновалась в Алжире еще до первой мировой войны. Родоначальник ее был швейцарским консулом в Алжире. Своекорыстно используя свое служебное положение, он сумел скопить огромные богатства и оставил в наследство своим детям несколько сот миллионов франков. Дети же сумели в короткий срок приумножить унаследованные богатства. Анри Боржо и его сын являются ныне председателями, вице-председателями или администраторами в следующих монополиях: «Компани женераль Нор-Африкен» (банк); «Юнион фонсьер Нор-Африкен» (ипотечное общество); «Компани де фосфат де Константин» (фосфаты); «Шо э Симан де Лафарж э дю Тейль» (цемент); «Этаблиссман Жюль Венсон, Пежо-Латиль» (автосборочное предприятие); «Сосьете Люсьен Боржо э К°» (текстиль); «Карго альжерьенн» (транспортное предприятие); «Сосьете аноним дю шапо де жандарм» (винодельческая компания); «Манюфактур де таба де Бастос» (табачная монополия) и в нескольких десятках других компаний.

Боржо занимает место сенатора от Алжира, руководит газетой «Депеш котидьенн», являющейся одним из наиболее ярких колониалистских органов печати, имеет влияние и в другой крупной алжирской газете — «Л'Эко д'Альже».

Крупным представителем алжирского монополистического капитала является Жорж Блашett — миллиардер, «король альфы». Вот неполный список компаний, которые контролирует Жорж Блашett: «Сосьете альжерьенн дез Альфа», «Сосьете марокен дез Альфа», «Сосьете Блашett-Буа», «Сосьете альжерьенн дез о» (компания по водоснабжению), «Л'о ан Альжери», «Сосьете дез о д'Оран», «Сосьете аноним де текстиль», «Сосьете агриколь дю Джебель Дуи» (сельскохозяйственная компания), «Сосьете меридиональ д'эксплоатасьон де каррьер» (горнопромышленная компания) и ряд других обществ.

Блашett был депутатом от Алжира в Национальном собрании с 1951 по 1956 год; он владеет газетой «Ле журнал д'Альже». Во всех политических кампаниях Блашett выступает в тесном союзе с Анри Боржо.

Третий столп алжирского монополистического капитала — Лоран Скиаффино, президент управления Алжирского экономического района. Скиаффино гораздо теснее, чем Боржо и Блашett, связан с финансовым капиталом метрополии. Это — доверенное лицо французских угольных баронов из «Комите дез уйер» и их главы — Анри де Пейеримхоффа. Вот основные компании, входящие в сферу влияния Скиаффино: «Сосьете альжерьенн де навигасьон, Ш. Скиаффино э К°», «Компани де фосфат де Константин», «Сосьете женераль де транспор

маритим а вапер», «Банк эндюстриелль де л'Африк дю Нор», «Банк де л'Альжери э де ла Тюнизи» и другие. Скиаффино распоряжается в 20 североафриканских компаниях. Он является сенатором от Алжира и крупнейшим после Боржо акционером реакционной газеты «Депеш кодтьенн».

Боржо — Блашетт — Скиаффино — наиболее сильные и влиятельные среди алжирских монополистов.

Интересы группы «Банк де л'Юнион паризьенн» — «Мирабо э К°» и алжирских магнатов капитала теснейшим образом переплетаются. Это нашло наиболее яркое выражение в сотрудничестве хозяев Алжира в трех компаниях: «Банк де л'Альжери э де ла Тюнизи», «Компани альжерьенн», «Сосьете нувелль де ла Компани альжерьенн де креди э де банк». По сути дела, эти три компании являются как бы штабом и главным оплотом монополий, господствующих в Алжире.

«Банк де л'Альжери э де ла Тюнизи» — филиал государственного «Банк де Франс» для двух стран Северной Африки, проводник влияния «двухсот семейств» в этих странах. Хозяева Алжира держат в своих руках рычаги управления алжирскими финансами.

«Компани альжерьенн» — это наследник концессионных земельных обществ середины XIX века. «Спрут» — так обычно называют эту компанию, щупальца которой проникли во все поры алжирской экономики. В 1954 году номинальный капитал компании оценивался в 276 миллионов франков. Его биржевая стоимость была равна 5 миллиардам. Портфель «Компани альжерьенн» включает акции множества компаний, не только алжирских, но также марокканских, тунисских и средневосточных обществ.

Банковские операции «Компани альжерьенн» с 1949 года передала своему филиалу — «Сосьете нувелль де ла Компани альжерьенн де креди э де банк». Его оборот в 1954 году достиг 68 миллиардов франков. Обе компании связаны посредством личной унии с огромным количеством разнообразных компаний Франции и Алжира. Президент обеих компаний Жан Палье одновременно является вице-президентом «Ассосиасьон миньер — холдинг-компани» и занимает место администратора во многих других компаниях.

«Банк де л'Юнион паризьенн» — «Мирабо э К°» в союзе с Анри Боржо, Жоржем Блашеттом, Лораном Скиаффино — вот хозяева Алжира. Они опутали всю страну своими цепкими щупальцами и держат в своих руках экономику Алжира. Что же касается политики, то последняя тоже находится под их решающим влиянием. В частности, нынешняя политико-административная система Алжира служит для обеспечения их интересов.

Странные департаменты

«Алжир — это Франция, это такие же департаменты, как Сена, Нор или Вар», — говорят французские колонизаторы. Однако ознакомление с административным и общественным строем и политическим устройством Алжира убеждает, что речь идет, по крайней мере, об очень странных департаментах.

22 июля 1834 года королевский указ превратил Алжир в генерал-губернаторство. В течение почти 70 лет губернаторы, будучи единственными представителями власти, пользовались в Алжире фактически неограниченными полномочиями. Лишь в 1898 году французское правительство решило создать в дополнение к губернаторам своеобразные органы местного самоуправления, так называемые «финансовые делегации». Находясь всецело под контролем французских крупных помещиков и капиталистов, судовладельцев и банкиров, «финансовые делегации» были не столько органами местного самоуправления, сколько дополнительными органами французского управления Алжиром.

Изданные в конце XIX века законы о правовом режиме в Алжире еще более закрепили господствующее положение французов. В соответствии с этими законами только европейцы считались полноправными гражданами Франции, только они избирали депутатов во французский парламент, в муниципалитеты, в «финансовые делегации»; они имели существенные налоговые льготы. Местное же население — арабы и берберы — презрительно именовались «подданными»; они были лишены избирательных прав, судились по местным кодексам и должны были беспрекословно повиноваться всем распоряжениям французской администрации.

В XX веке территория Алжира была разбита на две части. Прибрежные районы, в которых сосредоточено большинство европейского населения, были превращены в три департамента — Алжир, Оран, Константину — и объявлены «частью Франции». Южную же часть страны, населенную арабско-берберскими племенами, окрестили «особыми территориями» и поставили под управление военных властей. Фактически это были районы военной диктатуры. Военный комендант был там и мэром, и начальником полиции, и судьей, и инспектором труда.

Вторая мировая война внесла в положение Алжира некоторые изменения. Уступая натиску национально-освободительного движения, французские власти в 1945 году распустили «финансовые делегации», а в 1947 году Национальное собрание Франции приняло закон об административной реформе в Алжире — «Алжирский органический статут».

«Алжир — это группа департаментов, обладающая гражд-

данской индивидуальностью, финансовой автономией и специальной организацией», — гласит статья первая «Алжирского органического статута».

Что это значит?

В соответствии со статутом 1947 года, верховной властью в «алжирских департаментах» является генерал-губернатор (Ги Молле присвоил ему звание «министра с резиденцией в Алжире»). В помощь генерал-губернатору создан «правительственный совет». Имеется также Представительная ассамблея (Алжирская ассамблея), избираемая на шесть лет и обновляемая по половине через каждые три года, с ограниченными, по большей части совещательными функциями.

Генерал-губернатор назначается французским правительством и отчитывается за свои действия перед ним. Правительственный совет состоит из восьми членов, причем двое из них назначаются губернатором и шесть определяются Представительной ассамблеей. Депутаты Представительной ассамблеи избираются населением Алжира.

Алжирцы располагают одинаковыми правами, говорится в статье второй статута 1947 года. Однако эти «одинаковые права» существуют только на бумаге. Выборы проходят по двум избирательным коллегиям. Первая коллегия состоит из «граждан с французским гражданским статутом», то есть из французов, а также из небольшого числа лиц, принадлежащих к местной верхушке. В состав первой коллегии входят 500 тысяч избирателей-европейцев и 70 тысяч избирателей-мусульман. Вторая коллегия составляется из остального мусульманского населения. «Алжирский органический статут» предоставил избирательные права женщинам. Однако до настоящего времени женщины фактически не получили права голоса. Голосуют только мусульмане-мужчины старше 23 лет в количестве 1450 тысяч человек.

И первая и вторая коллегии избирают равное число депутатов в Представительную ассамблею — по 60 человек. «Равенство», как видно, сводится к тому, что депутат от первой — европейской — коллегии представляет около 10 тысяч избирателей, а депутат от второй — мусульманской — коллегии — 24 тысяч избирателей.

Северная часть страны разбита на четыре департамента, а южная осталась особой территорией во главе со специальными администраторами. Специальный режим южных территорий на словах отменен, но практически там все осталось по-прежнему. Сохранилась и прежняя внутренняя организация алжирских департаментов. Органы местного самоуправления (коммуны) делятся на полноправные (с преобладанием французского населения) и неполноправные (с преобладанием мусульманского населения).

Как Алжир связан с метрополией? В соответствии со

статутом 1947 года его население избирает 30 депутатов в Национальное собрание и 14 депутатов (сенаторов) в Совет республики. В метрополии на 43 миллиона человек избирается 544 депутата, а в Алжире — на 10 миллионов человек — 30 депутатов. Это значит, что один депутат от метрополии представляет в среднем 80 тысяч человек, тогда как один депутат от Алжира представляет 330 тысяч человек.

Система управления Алжиром служит интересам господствующих там французских колонизаторских кругов. Во всех звеньях государственного и административного аппарата дело так поставлено, что европейцы имеют значительно больше прав, нежели местное население. Странное равноправие!

Вот теперь можно ответить и на аргумент французских колонизаторских кругов о том, будто Алжир — это такой же департамент (провинция), как и французские департаменты.

Если Алжир — департамент Франции, то почему он управляется генерал-губернатором? Почему там существует специальная ассамблея? Ведь ни в каких французских департаментах ничего подобного не существует. Почему в Алжире избиратели делятся на две коллегии? Если Алжир и Франция — одно и то же, почему в Алжире в отличие от метрополии коммуны делятся на равноправные и неравноправные, почему там существуют особые территории? Почему в Алжире существует свой особый бюджет? Разве во французских департаментах есть собственные министерства финансов? Почему депутат в Национальное собрание от Алжира избирается от 330 тысяч человек, в то время как во Франции — от 80 тысяч человек?

Ответ на все эти вопросы может быть лишь один: потому, что Алжир — это не Франция, а французская колония. Да, колония в прямом смысле этого слова. Для чего же столько разговоров о равенстве между Алжиром и Францией? Для того, чтобы прикрыть фактическое неравенство! Чтобы за завесой красивых и демократических слов скрыть подлинную картину господства французских капиталистов.

Франко-алжирский баланс

Описание «гигантских», «исторических», «непревзойденных» достижений Франции в Алжире составляет неперемнную часть любого выступления французских государственных деятелей, посвященных этой стране. Описываются, обычно, прогресс сельского хозяйства, развитие промышленности, социальные успехи, развитие культуры. Цель всех этих выступлений одна: доказать, что полуторавековая колонизация полезна для Алжира, что без Франции он не проживет и что требовать отделения Алжира от Франции могут только враги алжирцев.

Мы далеки от мысли отрицать, что французы сделали

вклад в развитие Алжира, его экономики и культуры. Французская цивилизация многое дала алжирскому народу. Однако вклад Франции в развитие Алжира был сделан, если можно так выразиться, по необходимости, ибо основная линия политики французских колониальных властей заключалась не в том, чтобы давать что-либо Алжиру, а в том, чтобы брать у него как можно больше, и если уж давать, то лишь постольку, поскольку это может облегчить колониальный грабеж.

Обратимся к фактам алжирской действительности и посмотрим, к чему привело французское господство, что оно дало Алжиру и каковы реальные достижения Франции в этой стране.

Сельское хозяйство. До начала французской колонизации алжирское сельское хозяйство развивалось таким образом, чтобы прежде всего удовлетворять потребности местного населения. Его главными отраслями были зерновое хозяйство и мясное скотоводство.

После 1830 года направление развития сельского хозяйства Алжира стало меняться. Европейские колонисты строили свои расчеты прежде всего на развитии производства экспортных культур; которые могли дать наибольшую прибыль. К настоящему времени около 500 тысяч гектаров лучших земель используется под весьма доходные, но отнюдь не жизненно необходимые для алжирского населения культуры. Из них около 400 тысяч гектаров занимают виноградники, размещенные главным образом на плодороднейших прибрежных землях. Если учесть, что местное мусульманское население вина не пьет и потребляет лишь весьма небольшое количество столового винограда, станет понятно, что возделывание винограда в таких масштабах осуществляется исключительно в интересах европейских экспортеров вина. Доходы от виноградников составляют половину доходов европейских хозяйств.

Но каковы же последствия такого изменения структуры алжирского сельского хозяйства?

Кристиан Пино, выступая в Организации Объединенных Наций, много рассуждал о том, что ныне Алжир гораздо лучше обеспечен всем, что нужно для пропитания его населения. Он говорил также, что французская техника, удобрения, которые были неизвестны до начала колонизации, дали возможность чуть ли не спасти местное население от голодной смерти...

Однако картина, нарисованная французским министром, и на сей раз, увы, не отвечает действительности!

Говоря о последствиях сельскохозяйственной политики французских властей, профессор Луи Шевалье указывал, что в 1871 году каждый обитатель Алжира, живущий за счет доходов от сельского хозяйства, располагал пятью центнерами хлеба в год, в 1900 году — четырьмя центнерами, в 1940 году — двумя с половиной центнерами, а в настоящее время на одного человека приходится уже менее двух центнеров хлеба!

Вопреки утверждениям французских политиков, урожайность зерновых также не растет. В европейских хозяйствах в 1885—1886 годах с гектара собирали 8 центнеров зерна, а в 1945—1954 годах — 8,1 центнера. И это в хозяйствах, где широко применяются машины и удобрения! В мусульманских же хозяйствах, лишенных техники, урожайность снизилась: в 1885 — 1894 годах она была равна 5,8 центнера с гектара, а ныне — 4,7 центнера.

Резко сократилась также численность скота. С 1906 по 1954 год число овец и баранов сократилось в Алжире с 8,9 миллиона до 4,3 миллиона голов, то есть более чем в два раза.

И пусть французские министры сколько им угодно рассказывают об успехах сельскохозяйственной политики французов! Цифры, взятые из официальных французских данных, говорят сами за себя.

Промышленность. В ответ на упреки в отсталости алжирской промышленности через 130 лет после начала колонизации французские политики обычно ссылаются на «недостаток природных ресурсов», в частности на «недостаток топлива». Выше мы уже видели, что разговоры о недостаточности алжирских природных богатств — блеф. Алжир богаче многих других стран, являющихся высоко развитыми в индустриальном отношении державами. Что же касается успехов Франции в области его индустриализации, то уместно привести следующие данные.

До второй мировой войны общая сумма капитала, вложенного в алжирскую экономику французами, оценивалась примерно в 4 тысячи миллиардов франков по курсу 1956 года. Из них на промышленность приходилось 28 миллиардов, или 0,7 процента.

После войны в промышленность Алжира были вложены некоторые новые суммы. Именно их-то и имеют в виду французские власти, когда они говорят о своих усилиях в деле индустриализации страны. По имеющимся данным, носящим приблизительный характер, после второй мировой войны в экономику Алжира было вложено немногим более 500 миллиардов франков (в ценах 1956 года), из которых чуть больше 70 миллиардов приходится на частный капитал, остальное — на государственные вложения.

По подсчетам французских экономистов, капиталовложения в новое оборудование составили примерно 50 процентов указанной суммы.

Далеко не все эти деньги попали в промышленность. Миллиардные суммы поглотило строительство портов, дорог, аэродромов и других военных объектов, строительство административных зданий. Но произведенные капиталовложения все же велики. Ныне, по предварительным данным, на собственно промышленность приходится не менее 4—4,5 процента общей

суммы капитала, вложенного в Алжире. Доля промышленности в национальном доходе Алжира поднялась до 24,4 процента. Эта цифра, казалось бы, достаточно большая для слаборазвитой страны, может действительно заставить подумать, что правители Франции правы и что под их руководством Алжир действительно сделал огромный шаг по пути к прогрессу! Но стоит только проанализировать эту цифру и станет ясным, что эти утверждения необоснованны.

24,4 процента — это добывающая, строительная промышленность, производство, занятое обработкой, фасовкой и упаковкой товаров, предназначенных для экспорта, ремесленное производство (в Алжире около 130 тысяч ремесленников). Как видно, в этом перечне не упомянута ни одна отрасль промышленности, производящая средства производства, которые совершенно необходимы любой стране для того, чтобы иметь нормальные условия для своего дальнейшего развития. Не думайте, что мы случайно упустили их из виду. Нет! Дело в том, что тяжёлая промышленность в Алжире практически не существует. Отдельные заводы, производящие металл или собирающие какие-либо простейшие механизмы, в счет идти не могут.

Но почему в Алжире создано такое ненормальное положение? Все дело — в колониальном методе развития алжирской экономики.

За 130 лет французского господства в Алжире развивалась прежде всего добывающая промышленность. Можно спросить: а чем это плохо? Ведь промышленное развитие не может осуществляться без сырья? Да! Но сырье, добытое в Алжире, целиком вывозилось и вывозится в другие страны, прежде всего во Францию. Вот данные за несколько последних лет. В 1951—1953 годах из Алжира было вывезено железной руды, нефти, свинца, цинка даже больше, чем добыто (то есть вывезли даже накопившиеся за предыдущий период запасы). Угля вывезли почти одну треть добычи, фосфатов — почти 90 процентов. И таким образом развитие добывающей промышленности принесло мало пользы экономике Алжира.

Что касается строительной промышленности и промышленности строительных материалов, то их производственные мощности расходовались на 87 процентов на непроизводительные цели. Промышленность по подготовке местной продукции для экспорта имеет специфический характер и мало что дает общенациональному развитию страны. Доля промышленности, предназначенная для обслуживания внутреннего рынка, мизерна.

В настоящее время в Париже много говорят о «новых планах» развития алжирской промышленности, которые разрабатываются во Франции. Подобные планы действительно существуют. Но они не имеют отношения к нуждам Алжира и его

народа. Это проекты создания в Алжире, особенно в южной его части, центров военной индустрии, создания в районе Колон-Бешара «второго Рура» для обслуживания метрополии. К их осуществлению предполагается широко привлечь иностранный, прежде всего западногерманский, капитал. Упомянутые планы входят составной частью в колониалистский проект создания так называемой «Еврафрики».

Социальные «успехи» «Жизненный уровень алжирцев принадлежит к числу наиболее низких в мире. Три четверти из них лишены молока, мяса, яиц, жиров. Практически все они недоедают, вне зависимости от того, кем они являются,— рабочими, исполщниками или бедными феллахами»,— такими словами описала алжирская газета «Либерте» материальное положение коренного населения.

Не менее красочно заявление епископа Константины — Пинье, сделанное им на собрании католической организации «Социальные секретариаты» 27 мая 1954 года: «Поверьте мне, когда мы говорим о голоде в Алжире, это не пустые слова и не только удобный повод для социального протеста. Это страшная действительность, налагающая на нас серьезную ответственность. Это — драма всего населения — не какой-то кучки нищих и нескольких отдельных семей, а 3 миллионов человек, живущих рядом с нами на территории Алжира. И эта драма — непреходящее явление, она прочно укоренилась в нашей экономике. Она истребляет целые поколения систематически недоедающих, голодных людей, доведенных до состояния крайнего истощения».

Уровень доходов алжирского населения чрезвычайно низок. По данным журнала «Промышленный и торговый Алжир» за январь 1955 года, национальный доход в Алжире равен примерно 40 тысячам франков в год на одного жителя. Во Франции соответствующая цифра равна 160 тысячам франков. Если учесть, что уровень цен во Франции и Алжире примерно одинаков, станет ясно, что национальный доход по Алжиру в четыре раза ниже национального дохода Франции. Но в этот расчет следует внести существенную поправку.

Треть национального дохода Алжира падает на сельское хозяйство, а в сельском хозяйстве занято три четверти населения страны, то есть по меньшей мере — 7 миллионов человек. Если сделать соответствующий пересчет, получится, что на одного труженика сельского хозяйства (а это преимущественно мусульмане) приходится всего около 19 тысяч франков национального дохода в год. В то же время на 2,5—3 миллиона человек, занятых в торговле, промышленности, приходится по 68 тысяч франков национального дохода на человека. В это число входит основная масса европейского населения. Газета «Пари-пресс» 9 февраля 1956 года сообщила, что доходы на душу населения распределяются в Алжире следующим обра-

зом: на европейца — 240 тысяч франков, на мусульманина — 30 тысяч франков в год.

«Алжир — это царство полной занятости», — утверждают буржуазные деятели, стремящиеся замаскировать печальные последствия французского господства в этой стране. Но факт остается фактом: безработица — одна из характерных черт сегодняшнего Алжира. Чистый прирост населения в Алжире составляет 250 тысяч человек в год. Это значит, что ежегодно появляется не менее 200 тысяч пар рабочих рук. Однако применения большинству из них нет.

Сельское хозяйство Алжира не может занять новую рабочую силу: низкий уровень его развития, продолжающаяся классовая дифференциация в деревне, обезземеливание беднейшего крестьянства, кризисные явления, связанные с низким уровнем покупательной способности масс, приводят к тому, что алжирская деревня не только не поглощает, но, напротив, с каждым годом выбрасывает в города все более значительное число людей. В промышленности же Алжира за последние семь лет получили работу 15 тысяч человек.

Результат?

В сегодняшнем Алжире каждый пятый трудящийся — безработный. Все это — мусульмане; европейцы-безработные — сравнительная редкость.

Буржуазные политики говорят о «рассасывании безработицы путем эмиграции».

Да, 400 тысяч алжирцев, гонимые нуждой, действительно нашли себе пристанище на французской земле. Но разве это облегчило положение безработных, оставшихся в Алжире? Это не облегчило даже их собственное положение: эмигранты получают во Франции, как правило, гораздо более низкую, чем французы, зарплату и используются на самых тяжелых работах. Во Франции не имеют постоянного заработка 100 тысяч алжирцев.

По мнению французского правительства, Франция особенно много сделала в Алжире в области здравоохранения. Что именно? Приведем официальные данные о количестве медицинских работников:

Районы страны	Число медицинских работников			Количество населения на 1948 год	
	врачей	дантистов	акушеров	немусульмане	мусульмане
Алжир и Оран	958	260	310	518 300	817 200
Остальная часть страны	808	176	253	404 000	7 861 000

В среднем по Алжиру один врач приходится на 5700 человек. Для сравнения напомним, что во Франции один врач при-

ходится на 1100 человек. Однако в районах Алжира и Орана, где сосредоточено французское население и проживает наиболее зажиточная часть мусульман, всего около 13 процентов населения страны, имеется 956 врачей, или 54,4 процента всего врачебного состава. В этом районе один врач приходится на 1350 человек. В остальной же части Алжира, где сосредоточена основная масса мусульманского населения, один врач приходится более чем на 10 тысяч человек. На южных территориях один врач приходится на 30 тысяч человек. По данным французского профессора Леви Валензи, Алжир с 10 миллионами человек населения имеет столько же туберкулезных больных, сколько Франция с ее 43 миллионами. Около 50 процентов мусульманских детей гибнут в возрасте до пяти лет.

Если верить французским министрам, до прихода французов в Алжире не было системы народного образования, и все, что там ныне существует, принесли с собой французские власти. Но факты свидетельствуют о другом.

«В 1830 году мусульманское образование было значительно менее отсталым, чем могли полагать французские власти,— заявил сенатор Комб.— В Алжире было до 2 тысяч школ — начальных, средних и высших. Весьма компетентные преподаватели обучали всех, кто хотел учиться».

К 1830 году взрослое население Алжира знало арабский язык, могло читать и писать на нем. Но в 1830 году в Алжир пришли французы. Арабский язык был запрещен. Преподавание на нем — отменено. Официальным языком стал французский, но организовать поголовное обучение ему местного населения французским властям оказалось, видимо, не под силу.

Результаты? 90 процентов населения Алжира неграмотно. В 1948 году, по данным переписи населения, в стране было 150 тысяч детей школьного возраста — европейцев и около 2 миллионов детей-мусульман. Сколько из них училось? 137 347 европейцев и 262 403 мусульманина (данные 1952/53 учебного года). То есть училось в школе более 90 процентов детей-европейцев и 13 процентов детей-мусульман. В школах второй ступени тогда же занималось 26 тысяч европейцев и 4280 мусульман, в высшей школе — 4700 европейцев и 570 мусульман. Если это называется «создать систему народного образования», то, что тогда называется поощрением безграмотности?

* * *

Итак, анализ «достижений» Франции в Алжире, основанный исключительно на официальных данных и показаниях прессы, которую никак нельзя заподозрить в неояльности по отношению к правительству, приводит к неутешительным для правящих кругов Франции выводам, а именно: **в сельском хозяйстве** — вместо достижений падение урожайности, сокращение

количества наличного продовольствия на душу населения; **в промышленности** — развитие только отраслей, связанных с интересами колонизаторских, особенно экспортерских, кругов, торможение развития национальной алжирской промышленности; **социальные вопросы** — нищенский жизненный уровень, безработица, фактическое отсутствие системы здравоохранения, 90 процентов неграмотных, фактическое отсутствие всеалжирской системы просвещения.

О чем это говорит? Не надо быть экономистом или политиком, чтобы увидеть, что речь идет о наличии в Алжире колониальной системы. Что бы ни говорили о департаментах или провинциях — суть от этого не изменилась: Алжир — французская колония, со всеми вытекающими из колониального положения последствиями.

Но, хотя этот вывод уже ясен, наша аргументация все же была бы неполной, если бы мы не затронули еще одного аспекта проблемы. Мы подвели итог только тому, что Франция дала Алжиру. Справедливость требует, чтобы мы уточнили еще и вторую часть франко-алжирского баланса: что Алжир дал Франции?

В значительной степени ответ на этот вопрос уже дан в предыдущих разделах. В самом деле, захват лучших земель Алжира колонистами, захват недр французскими трестами — разве это не показатели того, что Алжир **уже** дал Франции?

Попробуем взять суммарные данные чисто официального характера по следующим вопросам: что продает Франции Алжир и что у нее покупает; какие доходы получают французские монополии, действующие в Алжире?

В 1954 году 79 процентов импорта и 73 процента экспорта Алжира приходилось на Францию. Практически это означает монополию в торговле страны.

Структура импорта и экспорта Алжира свидетельствует лишний раз о колониальном характере его экономики. В самом деле, в **импорте** Алжира из Франции 10,9 процента (18,7 миллиарда франков) приходится на продовольственные товары; 8,25 процента (14,2 миллиарда) — на минеральные товары; 8,05 процента (13,8 миллиарда) — на продукцию химической промышленности; 12,7 процента (21,8 миллиарда) — на продукцию текстильной и конфекционной промышленности; 6,55 процента (11,3 миллиарда) — на машины и оборудование; 11,1 процента (19,1 миллиарда) — на транспортное оборудование. В сумме 19,15 процента импорта Алжира из Франции приходится на сырье и продовольствие и 38,4 процента — на промышленные товары, преимущественно предметы потребления и транспортное оборудование. Это типично колониальный импорт!

Экспорт Алжира во Францию составляют главным образом: растительное сырье — 25,2 процента (25,7 миллиарда франков);

продовольственные товары — 60 процентов (61 миллиард, из коих 53 миллиарда — вино и виноград); минеральное сырье — 12,8 процента (13 миллиардов).

Все эти товары, ввозимые во Францию из Алжира или вывозимые из ее портов в Алжир, являются важным источником обогащения для французских монополистов. В 1954 году доля Алжира в экспорте Франции составила 11,4 процента, а в импорте — 7,6 процента. Это значит, что Алжир стоял на втором месте во внешней торговле страны.

К этому следует добавить, что товары из Алжира во Францию поступали по ценам в среднем ниже тех, которые существовали на мировом рынке; товары же, которые продавались Францией Алжиру, стоили ему, как правило, значительно дороже, чем другим странам. «Африканцы платят Франции за ткани на 30 процентов дороже, за машины на 60 процентов дороже, за пшеницу на 80 процентов дороже, за сахар на 100 процентов дороже мировых цен», — отмечал член Экономического совета Франции Лоренс.

Какие же прибыли получают французские компании, действующие в Алжире? Для ответа на этот вопрос мы располагаем лишь частичными данными, рисующими, однако, общую картину.

Тридцать семь наиболее крупных французских монополистических компаний, действующих в Алжире, получили следующие прибыли в миллионах французских франков: 1947 год — 810; 1948 — 2174; 1949 — 2791; 1950 — 3206; 1951 — 4813; 1952 — 6113; 1953 — 8186; 1954 год — 9976.

За восемь лет тридцать семь крупнейших компаний получили 38 069 миллионов франков, то есть более чем по миллиарду франков чистой прибыли каждая! Темпы роста прибылей монополий, действующих в Алжире, в среднем, особенно в последние годы, в два раза выше, чем темпы роста прибылей компаний метрополии. Если к тому же учесть, что приведенные данные занижены монополистической статистикой, станет ясно, что эксплуатация Алжира является выгоднейшим предприятием.

Вот теперь, после того как мы констатировали все эти факты, франко-алжирский баланс очевиден. Это — баланс колониализма.

Алжирский народ имеет право на свободу

В чем же состоит подлинная проблема Алжира?

Подлинная проблема Алжира — это проблема независимости страны. Французские колонизаторы 130 лет тому назад завоевали цветущую и сравнительно развитую по тому времени страну. Они посеяли там семена колониализма. К настоящему времени эти семена взошли и расцвели пышным цветом неслы-

ханной эксплуатации и угнетения, бесправия и несправедливости, экономической отсталости и вопиющей нищеты. Удивительно ли после этого, что алжирский народ с оружием в руках борется теперь за свою независимость? Удивительно ли, что алжирцы считают главной проблемой своей страны — независимость, свободу, демократию?

Будучи, с одной стороны, проблемой независимости, проблемой самоопределения, она является, с другой стороны, проблемой колониализма, проблемой ликвидации отживших колониальных порядков. Пример Алжира со всей очевидностью показывает зло, которое несет народам колониализм, являющийся величайшим тормозом на пути развития многих стран Азии, Африки, Америки. Но вместе с тем, он же показывает и то, насколько необходимой является полная ликвидация колониализма.

Нерешенные социальные и экономические вопросы — главная болезнь Алжира, говорят колонизаторы. По их словам, следует только провести в Алжире несколько реформ и все придет в норму, все алжирские вопросы решатся сами собой. И вот уже французское правительство готовит ряд реформ: реформу административного устройства — организовывается двенадцать департаментов вместо четырех; реформу местного самоуправления — проводится упорядочение и унификация коммун и их коммунальных органов; наконец, что особенно превозносится, готовится земельная реформа, предусматривающая выкуп и передачу или сдачу в аренду мелким производителям примерно 300 тысяч гектаров земель. Судя по всему, французские власти приписывают этим реформам революционное значение.

Может быть, действительно можно реформами кардинально решить алжирскую проблему? Конечно, нет!

Разве реформа муниципальных властей или образование новых департаментов отменяет эксплуатацию алжирских феллахов и алжирских рабочих? Разве все это двинет вперед развитие промышленности и сельского хозяйства, культуры и искусства Алжира? Конечно, нет! В прошлом в Алжире не существовало департаментов; затем их стало три, потом — четыре. Разве что-либо менялось от этого в существовании колониального господства Франции в Алжире?

Более серьезной кажется на первый взгляд земельная реформа. Как же! 200 тысяч гектаров муниципальных и государственных земель, 66 тысяч гектаров, принадлежащих ныне «Компани альжерьенн», и 15 тысяч гектаров, являющихся собственностью «Компани женевауз», передаются в аренду или продаются мелким производителям! Почти — революция!

Однако разберемся в этой «революции» объективно.

Во-первых, все земли, или почти все земли, которые ныне намечено продать или сдать в аренду, уже арендуются фермерами или арендаторами-испольщиками. Стало быть, если их

продавать или сдавать в аренду заново, надо согнать с земли тех, кто ныне на ней живет и трудится. Разве это способ решить аграрный вопрос? Практически это ничего не даст крестьянам и не утолит земельный голод в Алжире.

Во-вторых, намеченная реформа не ослабит могущества французского капитала в Алжире, ничем не затронет основ его господства. Ибо земли, которые предположено отобрать у «Компани альжерьенн» и «Компани женевуаз», являются лишь ничтожной частью их богатства и составляют всего лишь 11 процентов земель, принадлежащих европейцам. Кроме того, земли будут не конфискованы, а выкуплены. По имеющимся данным, сумма возмещения должна быть в 16,66 раза больше суммы доходов с выкупаемых земель за семь урожайных лет. Но это значит, что обе компании **ничего не теряют**. Ведь они получают доходы со своих земель по самой высшей ставке за 112 лет вперед!

При этом следует учесть, что земли, о которых идет речь, сейчас являются театром военных действий, а потому практически ныне ничего не дают их владельцам.

Таким образом, «земельная реформа» — это обман, придуманный для того, чтобы отвлечь внимание от колонизаторской деятельности французских монополий, от продолжающейся войны и зверств, совершаемых в ходе этой войны.

Куцыми реформами алжирскую проблему не решить. Ее решение — в ликвидации французского колониального режима, предоставление Алжиру подлинной независимости.

«Независимость? Невозможно!», — говорят колонизаторы. Это невозможно потому, что «потерять Алжир значило бы приговорить Францию к исчезновению не только как великую державу, но и вообще как страну», — говорит Жак Сустель, бывший губернатор Алжира. «Алжир без Франции? Нелепость! Он нежизнеспособен!», — утверждает генерал Катру, бывший министр с резиденцией в Алжире. «Алжирской нации не существует; независимость некому предоставлять», — пишет Робер Лакост, министр с резиденцией в Алжире.

Верно ли все это?

Почему Франция не может жить без Алжира?

Ответ на этот вопрос обычно дается в плане экономическом. Вот, например, газета «Пари-пресс» 31 января 1956 года напечатала целую полосу цифровых выкладок, посвященных доказательству этого тезиса. Главным доказательством служит заявление, что Алжир — это крупнейший рынок для французских товаров, он дает работу 300—400 тысячам рабочих в год.

Как мы уже видели, Алжир действительно много покупает во Франции. В 1954 году он купил различных товаров на 172 миллиарда франков. Но имеют ли эти закупки решающее значение для Франции? Общая национальная продукция Франции была равна в 1954 году 13 800 миллиардов франков.

Экспорт в Алжир составляет всего 1,25 процента этого количества. Трудно предположить, чтобы судьба Франции зависела от этих 1,25 процента!

Возьмем, однако, данные по отраслям. Из общей суммы французского экспорта в Алжир 32 миллиарда франков падает на сельскохозяйственную продукцию. Это составляет 0,7 процента общего объема французской сельскохозяйственной продукции, оцениваемой в 4400 миллиарда франков. И вряд ли потеря алжирского рынка серьезно отразится на положении французских крестьян.

Что же касается французской промышленности, то она «работает на Алжир» всего на 2,5 процента своей мощности (140 миллиардов франков из 5500 миллиардов). Отсюда следует, что заявления, будто Алжир дает работу 300—400 тысячам рабочих в год, — фальшивы. Ф. Минэй заявил: «Правильно сказать, что алжирский рынок дает французам полчаса работы в неделю». Полчаса — это $\frac{1}{80}$ часть, почти один процент рабочего времени (средняя продолжительность рабочей недели во Франции — 48,6 часа), то есть это работа для 60 тысяч рабочих в год.

Конечно, если бы даже 60 тысяч рабочих вдруг лишились работы, тоже плохо. Но встает такой вопрос: лишились ли бы они работы, если бы Алжир получил независимость?

Обратимся к примеру Марокко и Туниса. Оказывается, что после предоставления независимости торговля этих стран с Францией не только не сократилась, но даже возросла, а именно: торговля Марокко с Францией выросла на 7,5 процента; торговля Туниса с Францией — на 11,6 процента. И это вполне естественно! Ибо страны, получившие независимость (даже при условии, что они остаются экономически тесно связаны с метрополией), стараются как можно быстрее восполнить недостатки своего экономического развития. Они усиливают промышленную и торговую деятельность, модернизируют свое сельское хозяйство. А это значит, что их потребности быстро растут и возможности их торговли увеличиваются.

Нет никаких сомнений, что предоставление Алжиру независимости привело бы к быстрому увеличению объема его торговых операций с Францией. С другой стороны, нет никаких сомнений, что дальнейшее продолжение колониальной войны для подавления народа Алжира не может не привести к резкому сокращению франко-алжирской торговли, да и вообще к фактической ликвидации какого-либо экономического значения Алжира для Франции.

Правда, часто говорят, что, будучи совершенно оторванным от Франции, Алжир неминуемо попал бы в руки США или какого-нибудь другого крупного империалистического хищника. В этом рассуждении есть доля правды.

Верно, что Соединенные Штаты пытаются овладеть Алжи-

ром. Возрастающая активность американских монополий в Алжире в последние годы красноречиво говорит об этом. Однако Алжир не одинок, рядом с ним — другие арабские государства, идущие по пути независимости. Помощь ему могут оказать свободолюбивые народы всего мира. Сам по себе народ Алжира силен и полон энергии, готов противостоять проискам иноземных империалистов.

Наконец, Алжир, несомненно, сохранит тесные связи, в особенности по линии экономической, с Францией. Эти связи уже не будут, естественно, носить колониальный характер.

Выражая национальные интересы Алжира, совпадающие с интересами Франции, Французская и Алжирская коммунистические партии полагают, что сохранение и развитие такого рода связей между странами, основанных на равноправном сотрудничестве, является неперенным условием разрешения алжирской проблемы.

Французская коммунистическая партия считает, что политические, экономические и культурные отношения между Францией и Алжиром должны строиться на основе дружбы, равенства прав и свободного согласия.

Итак, остается последний аргумент в пользу того, что Алжиру нельзя предоставлять независимость: в Алжире некому давать независимость.

Но такой «аргумент» может родиться только от нехватки аргументов, ибо алжирцы являются отдельной нацией. Это исторически сложившаяся устойчивая общность людей. Основой ее были берберские племена. Обогащенные в ходе общения с другими народностями и нациями, они составляют современную алжирскую нацию, имеющую общую территорию, экономический уклад, культуру.

Кстати сказать, еще сравнительно недавно многие французские буржуазные деятели признавали существование алжирской нации, ее право на самоопределение. Так, например, Рене Мейер писал в июле 1947 года: «Оригинальность алжирского населения является фактом... Она соответствует реальности, которая утверждалась постепенно на протяжении полувека... Алжирские интересы должны управляться самими алжирцами, их собственным парламентом».

Алжирская нация существует — это факт, который нельзя отрицать. Она существует, она имеет полное право на самоопределение.

На протяжении всех 130 лет своего существования народ Алжира героически борется за независимость, за разрешение своей национальной проблемы. После второй мировой войны его борьба вступила в новую стадию. С 1954 года алжирский народ ведет вооруженную борьбу против угнетателей. В этой борьбе правда на стороне алжирцев. На их стороне — сочувствие и симпатии миллионов простых людей во всех странах.

Глубоко сочувствует алжирскому народу советский народ, всегда стоящий на стороне тех, кто борется за свободу и независимость. Наша позиция в этом вопросе абсолютно ясна. Советские люди считают, что каждый народ имеет неотъемлемое право на свою национальную свободу, независимость и самоопределение. Это целиком относится и к алжирскому народу. В то же время нельзя отрицать наличия известных, исторически сложившихся связей между Францией и Алжиром. Наличие таких связей делает возможным решение алжирской проблемы в обоюдных интересах как алжирского, так и французского народов.

Советский народ надеется, что будет найдено мирное демократическое решение алжирской проблемы, соответствующее духу времени и полностью учитывающее законные права и национальные интересы алжирского народа.

Алжирский народ имеет право на свободу; мы верим, что он ее завоеует!

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ
способствуют дальнейшему развитию
народного хозяйства СССР

ПРИБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОГО

3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА!

По займу ежегодно проводится шесть основных тиражей — 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября и один дополнительный тираж выигрышей — 30 сентября.

В основных тиражах разыгрываются выигрыши в размере 50 000, 25 000, 10 000, 5 000, 1 000 и 400 рублей, а в дополнительном тираже, кроме того, выигрыш 100 000 рублей.

**ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ПРОДАЮТСЯ И
ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ**